

Данила Янов

Пираты Забвения

Данила Янов

Пираты Забвения

<https://litres.ru/73511122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пиратский капитан Элиас Торн и его команда «Вещего зова» думали, что знают все опасности морей. Но однажды они встречаются в тумане чёрную шхуну без экипажа, с единственным, безликим рулевым. Это — Ловец душ, охотник за памятью. Его жертвы не умирают — они просто забывают, кто они.

Теперь Торну и его людям предстоит бежать от неумолимой тени, которая стирает личность. Их путь лежит через проклятые архипелаги, где покой покупают ценой души, и руины древней цивилизации, создавшей эту чудовищную Систему очистки мира.

Но их главное оружие — не пушки и сталь. Их оружие — их собственная, незабытая, грешная и живая память. А их корабль, «Вещий зов», медленно превращается из простого судна в нечто большее — в живое существо, в симбиота, чья судьба навеки связана с судьбой его экипажа.

Содержание

Глава	4
Глава 2. Соль на ранах	10
Глава 4. Причал для забывших	25
Глава 5. Эхо в скорлупе	34
Глава 6. Маяк из плоти и страха	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Пираты Забвения

Глава

Пираты Забвения

Глава 1. Змея в тумане

Рассвет над Морем Теней был не из тех, что разливают золото и розовый свет. Он просачивался сквозь свинцовую пелену тумана грязно-серым сиянием, превращая мир в мокрый, холодный шелк. Захваченный трехмачтовик «Вещий зов», некогда гордость купеческого флота Альтарии, а теперь трофей и дом капитана Элиаса Торна, скрипел так, будто каждое его ребро-шпангоут молило о покое.

На шканцах, положив руки на рукояти своих изогнутых кортиков, стоял сам Торт. Высокий, сухой, с лицом, изрезанным шрамами и морщинами, как старая морская карта. Его глаза, цвета стали и льда, безмятежно вглядывались в пелену.

– Чувствуешь? – Его голос был низким, без усилий пробивающим утреннюю тишину.

– Соль и гнилые водоросли, – отозвался у его плеча Гаррет, его правая рука и боцман, человек с телосложением медведя и парой пистолетов за поясом. – И еще дерьмо в трюме. Все как всегда, капитан.

– Не это. Тишина, Гаррет. Слишком тихая.

Тишину разорвал молодой, срывающийся голос с марса фок-мачты:

– Прямо по носу! Тень!

Все головы взметнулись вверх. Юнга по имени Финн, забравшийся туда еще ночью, тыкал дрожащей рукой вперед, в самую густую часть тумана.

Торн не шелохнулся.

– Размер? Паруса?

– Не вижу парусов! – донесся сверху испуганный ответ. – Просто... черная тень. Большая.

На палубе зашевелились. Из люков, словно потревоженные тараканы, стали появляться остальные: Айра, хирург и по совместительству пушкарь, с вечной кислой миной; старый Лоренцо, штурман, не выпускавший из рук секстанта даже во сне; братья-близнецы Мэтт и Марти, неразлучные и болтливые; и десяток других теней с оружием наготове.

– Призрак? – хрипло спросил кто-то сзади.

– Призраки не отбрасывают теней, идиот, – проворчала Айра, протирая заспанные глаза осколком зеркала. – Это другой корабль. С мертвой командой или очень, очень тихой.

– По местам, – скомандовал Торн, не повышая тона. Его приказ повис в воздухе и мгновенно растворился в действии. Люди разбежались по палубе, как щепки от удара топора. – Гаррет, аркебузы на реях. Айра, приготовь «поцелуи» на баке. Без моего слова – ни звука.

Корабль-призрак медленно проступал из тумана, будто его выталкивала невидимая рука. Он был меньше «Вещего зова», но строен и опасен, как акула. Паруса его были убраны, на мачтах – лишь рваные клочья. Весь его борт был выкрашен в черный цвет, потускневший от соленой воды. Ни огня, ни движения на палубе.

– Испанцы? – шепотом спросил Мэтт (или Марти), припав к борту рядом с капитаном.

– Глупее, – прошелестел рядом голос Лоренцо. Штурман приняхался, будто пробуя воздух на вкус. – Видишь форму носа? И эти планшири? Это не испанская работа. И не альтарийская. Это... северянская шхуна. Из Ледяных проливов. Но что она делает здесь, в теплых водах?

– То же, что и мы, – сухо ответил Торн. – Выживает.

Они уже могли разглядеть подробности. Название стерто. Герб на корме сколот. На баке темнело пятно, похожее на высохшую кровь.

– Призовую команду, капитан? – в голосе Гаррета зазвела привычная жадность. Корабль, даже пустой, – это дерево, железо, провиант. Ценности.

Торн медленно покачал головой, не отрывая глаз от черного судна, которое теперь почти поравнялось с ними, беззвучно скользя в двадцати саженях.

– Слишком чисто. Слишком... аккуратно. Ни тел, ни следов борьбы. Как будто все просто... испарились.

В этот момент туман над черной шхуной на мгновение

рассеялся, и луч бледного солнца упал на ее корму. Элиас Торн замер. На том месте, где должен был быть рулевой, стояла неподвижная фигура. Высокая, закутанная в темный плащ с капюшоном. Лица не было видно. Но чувствовался взгляд. Тяжелый, как свинец, и холодный, как глубины.

– Рулевой... – выдохнул Финн с марса.

Фигура медленно, механически повернула голову в их сторону. Казалось, пространство между кораблями наполнилось густым, леденящим маслом.

– Капитан? – Гаррет невольно положил руку на курок пистолета.

Торн не отвечал. Он смотрел. И видел не просто человека. Он видел символ. Вестника. В его долгой, кровавой жизни было всего несколько таких моментов, когда мир вокруг терял краски и запахи, оставляя только чистую, неразбавленную угрозу.

С черной шхуны донесся звук. Не крик, не скрип дерева. Это был слабый, металлический лязг. Будто цепи.

– Всего лишь один человек, – пробормотал кто-то сзади, пытаясь побороть суеверный ужас. – Мы можем...

– Это не человек, – перебил его Торн. Его голос прозвучал так тихо, что его слышали только Гаррет и Лоренцо, стоявшие рядом. – Это предупреждение.

Он сделал шаг вперед, к самому борту, и медленно, очень медленно провел рукой по воздуху – жест, понятный морякам любого моря и любой эпохи: «Мы не тронем тебя. Иди

своей дорогой».

Фигура на корме черной шхуны замерла. Казалось, она рассматривала жестокое, иссеченное ветрами лицо пиратского капитана. Затем, так же медленно, кивнула. Один раз.

Туман снова сгустился, набежав волной с подветренной стороны. Когда он рассеялся через несколько долгих минут, черная шхуна исчезла. Будто ее и не было. Только легкая рябь на воде да ледяной осадок в душах тех, кто ее видел.

На палубе «Вещего зова» воцарилась гнетущая тишина, которую на этот раз не решался нарушить никто.

– Лоренцо, – не оборачиваясь, сказал Торн. – Курс?

– Юго-запад, капитан. К Островам Обетованным, как и планировали, – отозвался штурман, но в его голосе не было прежней уверенности.

– Меняем. Ложимся на вост. К архипелагу Дымящихся Островов.

– К Дымящимся? – не удержался Гаррет. – Там же только вулканический пепел да дикари с отравленными дротиками!

Торн наконец обернулся. В его стальных глазах горел тот самый огонь, который видели люди перед самым страшным штормом или самым отчаянным абордажем.

– Там нет *этого*, – он кивнул в сторону, где растворилась черная шхуна. – А что касается плана... – Он обвел взглядом свою команду, замершую в ожидании. – План только что изменился. Мы плывем не за золотом. Мы плывем за ответами. И первый из них: кто послал эту тень и что она означала.

Утренний ветерок, холодный и пронизывающий, внезапно рванул паруса. «Вещий зов» вздрогнул и, с неохотным скрипом, начал поворачивать на новый курс, в самую неизвестную из своих авантюр.

Глава 2. Соль на ранах

Команда разошлась с угрюмым молчанием. Приказ есть приказ, особенно когда он произнесен таким тоном. Но воздух на палубе «Вещего зова» стал густым, как дегтярная смола. Страх перед необъяснимым всегда был хуже страха перед ядром или штыком.

Гаррет догнал Торна у входа в кают-компанию.

– Элиас. Поговорить надо.

Капитан остановился, повернулся, и в его взгляде не было ни капли дружелюбия. Они были друзьями, но на корабле дружба заканчивалась у порога капитанской власти.

– Говори. Быстро.

– Дымящиеся Острова. Это самоубийство. Припасы рассчитаны до Обетованных. Вода протухнет через неделю. А там... – Гаррет махнул рукой в сторону нового курса, будто отмахиваясь от мошкары. – Там нет портов. Нет пресных ручьев, одни серные источники. Дикари, которые стреляют отравленными иглами с тридцати шагов. Мы с тобой видели их «работу» на «Летучей рыбе». Помнишь?

– Помню, – холодно сказал Торн. – Я помню все. И помню, что «Летучая рыба» шла туда за слитками с разбитого галеона. Мы идем не за слитками.

– За чем тогда? За призрачными «ответами»? – Гаррет понизил голос до хриплого шепота. – Экипаж уже шепчется. Они видели пустой корабль и человека в плаще. Для них это дурной знак. Морская ведьма. Предвестник гибели. Они не поймут этого поворота.

– А ты понимаешь? – Торн прищурился.

– Нет! – выдохнул Гаррет. – И оттого боюсь вдвойне. Ты не из тех, кто бежит от теней. Значит, тень была страшнее дикарей и серных испарений. Что ты увидел, Элиас?

Торн отвел взгляд, глядя на палубу, где Мэтт и Марти драили медные детали, бросая украдкой взгляды на капитана.

– Я увидел порядок, Гаррет. На том корабле не было хаоса. Не было паники. Было... выполнение. Как будто команду убрали за ненадобностью, аккуратно, как со стола убирают приборы после ужина. Это не пиратская работа. Не корсарская. И уж тем более не штормовая. Это что-то другое. И если «они» или «оно» сейчас рыщет по этим водам, нам нужно быть не там, где нас ждут. А там, где нас искать не станут.

В кают-компании царил полумрак и пахло старым дере-

вом, ромом и чернилами. Лоренцо склонился над разложенными картами, его крючковатый палец с желтым ногтем вошел по выцветшему пергаменту.

– Пролив между Дымящимся Хребтом и Островом Костей, – бормотал он. – Течения коварные. Подводные скалы. Туман вечный, но не водяной, а от испарений земли. Карты врут, капитан. Здесь, – он ткнул в точку, – нарисован риф. Но по рассказам старого Бартоломею, его взорвало извержением десять лет назад.

– Значит, пойдем на ощупь, – сказал Торн, входя и снимая свой потертый кафтан. – Как всегда.

– На ощупь к гибели, – проворчал старик. – Эта шхуна... я видел такой силуэт лишь раз, в записках одного сумасшедшего голландского китобоя. Он называл его «Ловцом душ». Говорил, что он ходит за границами карт, туда, где моря сливаются с небом.

– Прекрасная сказка на ночь, Лоренцо. Отложи ее для Финна, – Торн сел за стол, тяжело опустив голову на руки. – Нам нужны факты. Что мы знаем? Северная постройка. Значит, пришел из холода. Без опознавательных знаков. Без команды. С одним... существом на борту.

– Оно на нас смотрело, капитан, – тихо сказал Лоренцо. – Я видел. И это был не взгляд живого человека. Взгляд был... пустым. И в то же время слишком полным. Как ночное небо.

Дверь каюты скрипнула. На пороге стояла Айра, вытирая руки окровавленной тряпкой.

– Ну, я их успокоила, – заявила она, плюхнувшись на лавку.

– Лекарством? – уточнил Торн.

– Ромом и угрозами. Сказала, что тот в плаще – просто прокаженный матрос с отшибленной головой, а мы идем к Дымящимся Островам, потому что там спрятано сокровище испанского адмирала, который сбежал туда от гнева королевы. – Она усмехнулась. – Глупо, но сокровища они понимают лучше, чем призраков.

– Спасибо, Айра.

– Не за что. Но есть одна проблема. Реальная, не призрачная.

– Какая?

– Парусина на гроте. Гниет. Швы расходятся. Вчерашний

туман был не простой, он был с какой-то едкой дымкой. Материя разъедается. Если налетит настоящий шторм, нас разорвет, как гнилую рубаху.

Похоже, «тень» оставила нам сувенир, – мрачно констатировал Торн. – Поставь всех, кого можешь, на латку. Используй все запасы. И... Айра.

– Да?

– Осмотри всех. Кто был на палубе у самого борта, когда проходила шхуна. Спроси, не плохо ли им. Не просто от страха. А... по-другому.

На нижней палубе, в тесноте кубрика, было душно и шумно. Братья-близнецы, сидя на своих койках, оживленно спорили.

– Это была Смерть! – горячо шептал Мэтт (или Марти). – Я видел, как он кивнул! Это отметина! Мы все обречены!

– Дурак, – отмахивался второй. – Смерть не кивает. Она просто берет. Это был, наверное, контрабандист-одиночка. Или исследователь. Ученые они такие, чудаковатые.

– С плащом в безветрие? С цепями?!

– Может, он просто замерз!

Их спор прервал Финн. Юнга сидел, прижавшись спиной к шпангоуту, и смотрел в одну точку. Лицо его было бледным.

– Он не смотрел на капитана, – тихо проговорил мальчишка.

Братья обернулись к нему.

– Что?

– Тот, в плаще. Он кивнул капитану. Но смотрел-то он... на меня.

В кубрике вдруг стало тихо. Даже вечный скрип обшивки будто затих.

– На тебя? – переспросил один из близнецов. – Почему?

– Не знаю, – прошептал Финн, обхватив колени руками. – Но мне показалось... он меня узнал.

На палубе, пока команда под присмотром Гаррета и Айры чинила паруса и проверяла такелаж, Торн стоял на корме, глядя на кильватерную струю. Солнце наконец пробилось сквозь тучи, но свет его был безжизненным и холодным.

Лоренцо вышел к нему, держа в руках старый, обтянутый кожей дневник.

– Нашел кое-что, капитан. В записях того голландца. Он пишет, что команда «Ловца душ» не умирает. Она... засыпает. Впадает в ступор. А потом просыпается уже другой. Служит новому хозяину. Он называет это «промыыванием шваброй души».

– Поэтично, – бросил Торн. – И бесполезно.

– Возможно. Но он также пишет, что такие корабли боятся двух вещей: чистого огня... и памяти.

– Памяти?

– Да. Яркой, жгучей, человеческой памяти. Она, якобы, для них как яд. Сбивает с толку.

Торн обернулся к штурману. В его глазах мелькнула искра того самого огня.

– Это уже что-то. Скажи Айре, чтобы приготовила горшки с горючей смесью. Не только для абордажа. Для... очистки.

– А память, капитан?

– Памятью, – Торн глянул на мачту, где ютился испуганный Финн, – придется разжиться по пути. Собери всех после вахты. Пусть каждый вспомнит и расскажет что-то. Самую яркую свою память. О доме. О любви. О мести. Неважно. Пусть говорят.

– Чтобы сплотить команду?

– Чтобы напомнить им, кто они. Прежде чем что-то... или кто-то... попытается это стереть.

«Вещий зов», неся на своих пораненных парусах следы едкого тумана, упрямо резал волну, уходя от привычных путей в царство пепла и забытых легенд. А сзади, в уже почти невидимой полосе тумана, возможно, все еще скользила черная тень, ведомая безликим рулевым. И вопрос теперь был не только в том, куда плывут пираты. Вопрос был в том, что за ними последует.

Глава 3. Глотка праха

Три дня «Вещий зов» шел на восток, и мир вокруг менялся с тревожной быстротой. Синяя, живая вода Морея Теней сменялась зеленовато-серой, маслянистой гладью. Воздух потерял свежесть и запах соли, теперь он был теплым, влажным и отдавал серой, словно из трубы алхимика. Небо постоянно затянула молочно-белая мгла, скрывавшая солнце, превра-

шая день в бесконечные серые сумерки.

На третий день пропала рыба.

– Сети пусты, капитан, – доложил Гаррет, его лицо было мрачнее тучи. – Не то что рыбы – ни планктона, ни медуз. Чисто, как в чане для смолы. Только вода.

У борта стоял Лоренцо и щупал воду специальным медным черпаком. Подняв его, он показал Торну: на дне лежал слой мелкого, светло-серого пепла.

– Пепел. Вулканический. Он покрывает все. Забивает жабры, губит все живое. Мы входим в мертвые воды.

Вечером того же дня собрали всех, кто не был на вахте, в трюме, вокруг самой большой бочки с ромом. Приказ Торна о «воспоминаниях» висел в воздухе, вызывая больше недоумения, чем страха.

– С чего начать-то? – пробормотал один из старых волков, Бескровный Том (прозвище он получил за невероятную живучесть).

– Начни с того, зачем ты стал тем, кем стал, – сказал Торн. Он стоял в стороне, прислонившись к столбу, но его присутствие ощущалось физически. – С чего все началось.

Первым вызвался Гаррет. Он хмыкнул, отпил из кружки и начал грубо, без прикрас:

– Меня в шестнадцать сдали в матросы за долги отца. На первом же корабле старпом был садист, бил железным крюком по почкам за малейшую провинность. Через полгода я столкнул его за борт во время шторма. Никто не заметил. Понял тогда, что правила пишут те, кто сильнее. И решил стать сильнее.

История была простая, кровная. Она вибрировала в душном воздухе трюма чем-то настоящим. За ним потянулись другие. Марти (или Мэтт) рассказал, как они с братом сбежали из приюта, украли лодку и чуть не умерли от голода, пока их не подобрал пиратский шлюп. Айра, скрестив руки на груди, сухо поведала, как ее, дочь цирюльника, выгнали из дома после того, как она «вскрыла» местного вельможу, чтобы доказать, что он умер не от чумы, а от яда жены. Она говорила о внутренностях с ледяной, хирургической точностью, и это было ее памятью – памятью о несправедливости и торжестве факта над суеверием.

Потом настала очередь Финна. Юнга съежился, его голос дрожал:

– Я... я не помню, как попал на корабль. Первое, что помню – это палуба «Вещего зова» и капитан, который спрашивает, как меня звать. А я... я не знал.

– Ничего не помнишь? Ни дома, ни матери? – спросила Айра, прищурившись.

– Только сон. Иногда. Во сне... я вижу высокие башни из черного камня. И тишину. Такую громкую тишину, что в ушах звенит. И чей-то голос, который зовет... но не по имени. По какому-то номеру.

В трюме стало холодно, несмотря на духоту. Лоренцо перекрестился. Торн не сводил с мальчика своего ледяного взгляда.

Вдруг корабль содрогнулся. Не от волны – их почти не было. Словно от глухого удара снизу, о борт. Посуда зазвенела, ром расплескался.

– Подводный камень! – крикнул кто-то.

Все бросились на палубу.

Но камня не было. Море вокруг было пустым и мертвым. Однако на поверхности воды, справа по борту, медленно расходились огромные пузыри, и из глубины поднималась муть. А потом из воды показался... нос корабля. Обломок, почерневший, облепленный ракушками и этим серым пеплом. За ним – обрывок мачты, клочья парусины, похожие на саваны.

– Кораблекрушение, – прошептал Гаррет.

– Нет, – возразил Лоренцо. – Он не разбит. Он... затоплен. И всплыл. Смотрите, корпус почти цел.

Торн приказал спустить шлюпку. Подобраться к обломку было жутко. От него веяло не просто затхлостью, а холодом могилы. На баке еще виднелось стершееся название: «Серебряная Луна».

– Альтарийский купец, – определил Гаррет, цепляясь за борт шлюпки. – Пропал два года назад по пути в Новую Венецию. Говорили, налетел на риф.

Торн первым ступил на скользкую, заросшую палубу. То, что они увидели, заставило даже выдавших виды пиратов онеметь. Палуба была в идеальном порядке. Бочки аккуратно закреплены. Снасти убраны. Ни следов борьбы, ни хаоса. А в центре палубы, вокруг главного люка, сидели, стояли и лежали люди. Вернее, то, что от них осталось. Скелеты в истлевшей одежде. Позы их были странно мирными: один сидел, прислонившись к бочке, другой лежал на спине, глядя пустыми глазницами в белесое небо. У одного в костлявых пальцах был зажат амулет – солнце из позолоченной меди.

– Они... просто умерли, – выдавил из себя Мэтт. – Все разом. Тихо.

– Не разом, – поправила Айра, осторожно переворачивая череп ногой. – Смотрите. Ни признаков насилия. Кости не сломаны. Но зубы... – Она наклонилась. – Зубы стерты почти до десен.

– От чего? – спросил Торн.

– От песка. Или от того, что его напоминает. Они что-то жевали. До последнего. Возможно, они умирали от голода и жажды, сидя на полных трюмах. Или... – она замолчала.

– Или их память и воля были стерты, как эти зубы, – догадался Лоренцо. – Они забыли, как есть. Как пить. Как жить. И просто... остались здесь.

Внезапно Финн, который молча следовал за всеми, вздрогнул и указал на корму.

– Там... такое же кресло. Как на той шхуне.

Они двинулись к штурвалу. Кресла не было. Но на том месте, где оно должно было быть, палуба была чистой – пепел будто смели невидимой метлой. А на дереве, темным пятном, горел выжженный символ: круг, пересеченный зигзагом, похожим на молнию или на зубчатую пилу.

– Это не наша письменность, – прошелестел Лоренцо, бледнея. – Я видел такое в... в записях о северных культах. Это знак Разделения. Отделения души от плоти.

– Хватит, – резко оборвал его Торн. – Гаррет, общи

трюм. Быстро.

Трюм «Серебряной Луны» был полон. Ткани, бочки с вином, ящики с инструментами. И сухари. И вода. В бочках с водой плескалась пресная, чистая на вид вода.

Гаррет хотел было зачерпнуть, но Торн остановил его.

– Не трогай. Все, что здесь, отравлено тем же, что убило команду. Бери только то, что в герметичной таре. Металл, стекло. Остальное оставь.

Когда они возвращались на «Вещий зов» с жалкой добычей – несколькими ножами и канистрой нераспечатанного рома – Финн, сидевший на корме шлюпки, вдруг обернулся к обломку.

– Капитан, – его голос был полон недоумения. – Я... вспомнил. Этот корабль. Я на нем был. Мне кажется... я плыл на нем. Когда-то очень давно.

Все застыли. Даже весла замерли.

– Ты уверен? – тихо спросил Торн.

– Нет. Но этот амулет... солнце... – Финн закрыл глаза, морщась от усилия. – Женщина дала его мне. Перед тем, как

посадить на корабль. Она плакала. Она сказала... «Помни свое имя». Но я его забыл. Я все забыл.

На «Вещем зове» их ждала новая проблема. Пока они были на обломке, с неба начал падать пепел. Мелкий, серебристо-серый, беззвучный. Он покрывал палубу, паруса, лица. Он забивался в легкие, вызывая сухой, надрывный кашель.

– Убрать паруса! – скомандовал Торн, сплевывая серую слюну. – Натянуть брезент! Туши все огни, кроме самых необходимых!

Мир сузился до размеров корабля, плывущего в серой, безмолвной мути. Пепел падал и падал, хороня следы их пути, стирая границу между морем и небом, между прошлым и настоящим. А в трюме, среди припасов, принесенных с «Серебряной Луны», лежал амулет в виде солнца. Финн не взял его. Он боялся. Но Торн поднял его и спрятал в свой кафтан. Это была ниточка. Ниточка памяти в мире, который стремительно превращался в забвение.

«Вещий зов» стал похож на призрака, медленно движущегося по кладбищу затонувших кораблей и стертых судеб. А впереди, в серой мгле, уже угадывались темные, зубчатые контуры первого из Дымящихся Островов.

Глава 4. Причал для забывших

Пепел перестал падать к полудню следующего дня. Он лежал на палубе «Вещего зова» пушистым, мертвым одеялом толщиной в палец. Каждый шаг оставлял четкий, зияющий след, который медленно осыпался краями. Мир за бортом прояснился, открыв жутковатую панораму.

Прямо по носу вырастал остров. Не зеленый и не песчаный, а черно-серый, как шлак. Скалы его были острыми, зубчатыми, будто вылепленными из окаменевшего дыма. С вершины центральной горы, низкой и широкой, как спина спящего чудовища, струился белесый дым. Он не поднимался столбом, а стелился по склонам, цепляясь за расщелины, создавая иллюзию, что остров медленно тлеет изнутри. Это и был первый из Дымящихся Островов – Шепчущий Утес.

– Красиво, – мрачно пошутила Айра, протирая запыленное стекло подзорной трубы. – Прямо курорт. Только не хватает пальм и гостеприимных аборигенов с фруктами.

– Запахло, – сказал Гаррет, сморщив нос. – Серой и... жженым сахаром. Или костями. Не пойму.

Торн стоял на баке, изучая береговую линию. Не было ни удобной бухты, ни пологого спуска. Лишь черный галечный пляж, о который с ленивым шипением разбивались серые волны, и несколько темных провалов в скалах – входы в пе-

щеры или расщелины.

– Лоренцо, варианты?

Штурман листал свои заплатанные лоции. – По слухам, на подветренной стороне есть природный мол – остатки старой лавовой трубки. Может служить причалом. Но подход к нему... – Он показал на воду перед островом. Она была темнее, почти черной, и местами вздувалась крупными, медленными пузырями. – Подводные горячие ключи. Может ошпарить забортную команду или вовсе пробить обшивку, если наткнемся на гейзер.

Пока они обсуждали маневр, на палубе назревал бунт. Тихий, но упрямый. Кучка матросов во главе с Бескровным Томом окружила Гаррета.

– Мы не пойдем туда, боцман, – говорил Том, пытаясь казаться твердым, но его глаза бегали. – Это место проклято. Пепел с неба, мертвые корабли с мертвыми экипажами... а теперь и остров, который дышит, как умирающий. Нам не нужны твои «ответы». Нам нужно золото, ром и живые берега!

– Приказ капитана – закон, – рявкнул Гаррет, но в его голосе не было привычной железной уверенности.

– Закон там, где есть сила его поддерживать, – возразил другой, молодой и горячий. – Нас тут два десятка. А его, – он кивнул в сторону Торна, – да вас, старой гвардии, – на всех. Мы устали от призраков!

В этот момент раздался пронзительный, ледяной свист. Это свистел Торн, вложив два пальца в рот. Звук разрезал гул голосов, как нож. Все замолкли и обернулись.

Капитан не кричал. Он спустился с бака и шел к группе недовольных медленно, расслабленно. Пепел хрустел под его сапогами. Он остановился в двух шагах от Тома.

– Ты прав, Том, – тихо сказал Торн. – Закон там, где есть сила. – Он выдержал паузу, давая словам впитаться. – Но ты забыл одну вещь. Сила – не в количестве кулаков. Сила – вот здесь. – Он несильно ткнул пальцем в висок. – И здесь. – Перенес палец на грудь, в область сердца. – Я веду этот корабль не потому, что я самый сильный в драке. А потому, что я *вижу* дальше вас. Чувствую опасность раньше вас. И сейчас я вижу, что худшая опасность – не там, – он махнул рукой в сторону дымящегося острова, – а здесь, в нашей собственной трусости. Корабль, который мы видели, не просто убивает. Он стирает. Он делает из людей пустые скорлупки, которые забывают даже как есть и пить. Вы хотите этого? Хотите закончить как те скелеты на «Серебряной Луне»? Сидеть с полным трюмом провианта и умирать от голода, потому что

забыли, кто вы и зачем вы здесь?

Он обвел взглядом всех матросов, по одному.

– Кто хочет остаться человеком – будет за мной. Кто хочет стать пустой куклой, которую ветер истории сметет в небытие – может попробовать уплыть на шлюпке. В этих водах. С этим пеплом. Выбирайте.

Наступила тишина, нарушаемая лишь шипением воды у борта и далеким гулом вулкана. Бескровный Том опустил глаза, затем кивнул и, бормоча что-то невнятное, побрел к своей вахте. Бунт рассосался, не успев начаться, растворенный холодной логикой страха.

Подходить к молу пришлось на веслах, с лотом в руках, выкрикивающим глубины. Вода вокруг временами становилась обжигающе горячей, и от нее шел густой, серный пар. «Вещий зов» медленно, словно слепой, вполз в узкую, защищенную скалами бухточку. Лавовый мол оказался идеальным причалом – гладкая, темная полоса камня, уходящая в воду. Когда бросили якорь и скинули сходни, наступила неестественная тишина. Не было криков чаек, шелеста листьев, стрекота насекомых. Только шипение пара, далекое урчание земли и шум их собственного дыхания.

Первая на берег ступила Айра. Она нагнулась, подняла горсть черного песка, смешанного с пеплом, потерла между пальцев.

– Почва мертвая. Ни корней, ни червей. Только камень да прах.

– Смотрите! – крикнул Финн, указывая вглубь острова, к подножию скал.

Там, среди серых камней, виднелись прямоугольные темные проемы. Не природные пещеры. Слишком правильной формы.

– Постройки, – определил Лоренцо. – Или то, что от них осталось.

– Гаррет, со мной. Айра, Лоренцо. Остальные – охранять корабль. Никому не сходить без моего приказа. И... пусть продолжают рассказывать друг другу свои истории. Громко.

Группа из пяти человек двинулась по склону. Воздух был густым, теплым и горьким на вкус. Под ногами хрустел шлак. По мере приближения постройки оказались руинами. Низкие, сложенные из того же темного камня стены без крыш. Окна и двери были лишь провалами. Внутри – пепел да обломки грубой керамики.

– Не похоже на дикарей, – заметила Айра. – Похоже на... поселок. Рыбачий, что ли. Или сторожевой.

– Сторожевой от чего? – пробормотал Гаррет.

В самом большом здании, в центре руин, они нашли ответ. На уцелевшей стене была фреска. Точнее, ее остатки, выцарапанные на камне и когда-то, видимо, подкрашенные минеральными красками. Изображение было стилизованным, угловатым. На нем было море, несколько островов, а над ними – корабль. Не обычный. Длинный, с высоко загнутыми носом и кормой, с единственным квадратным парусом. И от этого корабля к островам тянулись тонкие, цепкие линии, как щупальца или лучи. А маленькие фигурки людей на островах падали ниц или застывали в неестественных позах.

– Ловец душ, – прошипел Лоренцо. – Так его изображали. Он не просто плавает. Он... собирает. Как жнец колосья.

– А это что? – Финн тронул нижнюю часть фрески, где был изображен странный символ: спираль, закручивающаяся внутрь себя, и над ней – стилизованное око.

– Предупреждение, – сказал Торн. – Или инструкция. Эти люди знали об угрозе. И пытались ей противостоять.

– И где теперь эти люди? – спросила Айра, оглядывая пустые руины.

– Возможно, их «собрали». А возможно... – Торн не договорил. Его взгляд упал на дальний конец поселения, где

скалы образовывали нечто вроде арки.

Они прошли под арку и остановились. Перед ними открылась небольшая, замкнутая со всех сторон скалами площадка. И в центре ее стоял идол. Высеченный из цельного куска черного, стекловидного камня. Это была абстрактная фигура, отдаленно напоминающая человека, но с непропорционально большой головой и вытянутыми, как у ловца, руками. Лица не было – лишь гладкая, отполированная поверхность. А у подножия идола лежали дары. Не цветы и фрукты. А предметы. Ржавый кинжал. Медная кружка. Детский башмачок, истлевший почти в прах. И несколько амулетов, похожих на тот, что нашли на «Серебряной Луне» – солнца с лучами.

– Они поклонялись ему, – с отвращением сказал Гаррет.
– Чудовищу. Чтобы оно пощадило.

– Или пытались договориться, – поправил Лоренцо. – Откупиться памятью. Личными вещами. Частичками себя. Смотрите – все вещи старые, личные. Это не богам дарят. Это... оставляют, чтобы забыть.

Финн подошел к идолу ближе всех. Он смотрел на гладкий камень, и его лицо стало пустым.

– Финн? – окликнула его Айра.

– Он... зовет, – прошептал мальчик. – Тихо. Внутри головы. Он говорит... что можно отдать боль. Страх. Все плохие воспоминания. И останется только покой. Тишина.

– Не слушай! – резко скомандовал Торн, но было поздно. Финн протянул руку и коснулся ноги идола.

Ничего не произошло. Не грянул гром, земля не разверзлась. Только Финн вздрогнул, как от слабого удара током, и отшатнулся. Его глаза были полны слез, но не от боли, а от непонятной, всепоглощающей грусти.

– Я... я вспомнил, как меня оставили, – выдавил он. – Но без страха. Без обиды. Как будто смотрю на чужую жизнь. Это... пусто.

– Это и есть цель того, кто на той шхуне, – сказал Торн, резко оттаскивая Финна от идола. – Он не убивает. Он делает человека чистым листом. Удобным. Податливым. Эти люди, – он махнул рукой на руины, – либо сдались, либо проиграли. Мы – нет. Мы берем свою память, даже самую больную, с собой. Это наше оружие. И наша крепость.

Он вынул из-за пазухи амулет-солнце, поднятый с «Серебряной Луны», и с силой швырнул его в лицо идолу. Медный диск со звоном ударился о черный камень и отскочил в пыль.

– Мы не будем откупаться. Мы будем сражаться. Но для этого нам нужно понять правила боя. Идем. Здесь больше нечего искать.

Они вернулись на корабль под тяжелым, беззвездным небом. Остров молчал, лишь дым продолжал ползти по его склонам, как кровь по ране. А Финн всю дорогу молчал, изредка потирая пальцы, которыми коснулся идола. Они были холодными, как лед, и он не мог их согреть. Он отдал крошечную частичку своей боли черному камню. И теперь боялся, что эта пустота внутри него будет расти.

Глава 5. Эхо в скорлупе

Возвращение на «Вещий зов» не принесло облегчения. Воздух в бухте казался гуще, тяжелее, наполненным не только серой, но и тихим, неотпускающим страхом. Команда работала молча, краем глаза наблюдая за Финном. Юнга сидел на кольце шпиля, обхватив колени, и смотрел куда-то сквозь мачты, в серую мглу. Его пальцы, те самые, что коснулись идола, он держал слегка растопыренными, будто они были чужими.

Торн видел это. Он видел, как Бескровный Том и другие матросы сторонятся мальчишки, словно он стал носителем чумы. Разделение на корабле – верная смерть. Он подозревал к себе Айру и Лоренцо в свою каюту.

– Состояние Финна?

Айра пожала плечами, ее обычная циничная маска слегка сползла, обнажив озабоченность.

– Физически – здоров. Пульс ровный, дыхание чистое. Но реакция замедлена. Спросишь – отвечает с задержкой, будто мысли доходят до него через толщу воды. И холод... тот самый холод в пальцах. Они теплеют, но медленно. Явно не просто суеверие.

– А память? – спросил Лоренцо, вертя в руках старый фолиант с застёжками.

– Говорит, что воспоминание об оставлении теперь... плоское. Как рисунок на стене. Не больно смотреть. Но и не живо.

– Отняли аффект, – прошелестел штурман. – Чувственную окраску. Это и есть промывание. Сначала эмоции, потом детали, потом самоидентификация. Остается пустая, послушная оболочка, готовая принять новый приказ. Мальчик на первой стадии.

– Лечение? – Торн уставился на Лоренцо.

– В записях... не указано. Предполагалось, что процесс необратим. Но есть намек. Если «промытая» душа сталкивается с сильным, вибрационным эхом чужой, *нестертой* памяти, возможен резонанс. Может вернуться что-то. Или... может стать хуже.

– Что значит «хуже»?

– Мозг может не выдержать противоречия. Пустота против наполненности. Может сломаться.

Вдруг с палубы донесся крик. Не боевой, а испуганный,

почти визгливый. Все трое выскочили из каюты.

На палубе, возле грот-мачты, столпились матросы. В центре стоял Финн. Но это был не прежний испуганный юнга. Он стоял прямо, его лицо было странно спокойным, взрослым. И он говорил. Голосом, который был на пол-октавы ниже его обычного, с легким, чуждым акцентом.

– ...и тогда капитан Бранд приказал выбросить за борт лишний груз. Но это были не бочки. Это были больные. Чума. Их лица были черными от пятен. Жена боцмана кричала, цеплялась за планшир, но он сам оторвал ее пальцы одно за другим. Потом плакал в пустом трюме три дня.

Он говорил о деталях, которых не мог знать. О корабле «Утренняя Звезда», пропавшем за сорок лет до его рождения. О капитане, о котором знали лишь в морских легендах.

– Что с ним? – прошептал кто-то.

– Он говорит голосом моего деда, – с ужасом сказал старый гарпунер. – Тот так же рассказывал про «Утреннюю Звезду». Точь-в-точь.

Финн повернул голову, и его взгляд упал на Бескровного Тома. И снова заговорил, но уже другим голосом – хриплым, пропитанным ромом и тоской:

– А ты, Томас Клинч. Ты до сих пор видишь во сне свою

сестру? Ту, что утонула в реке, когда ты за ней недосмотрел? Ты был мальчишкой. Но ведь мог бы быть внимательнее, да? Мог бы.

Том побледнел, как смерть, и отшатнулся, будто от удара.

– Откуда он... я никому... – он задохнулся.

– Он вытаскивает из вас ваши же истории! – крикнула Айра. – То, о чем вы рассказывали в трюме! Он их впитывает!

– Нет, – поправил Лоренцо, его глаза горели странным, почти научным интересом. – Он их... транслирует. Но с эмоциями. С болью. Ту боль, что у него отняли, он компенсирует нашей! Он стал эхом наших собственных воспоминаний!

Финн повернулся к Гаррету, и его губы дрогнули в подобии жестокой усмешки. Он открыл рот, чтобы говорить. Гаррет, лицо которого исказилось яростью и страхом, сделал шаг вперед.

– Замолчи, чертенок! – он занес руку для удара.

Но его опередил Торн. Капитан подошел к Финну и, не говоря ни слова, резко обнял его. Не для утешения. Это был жест захвата, контроля. Он прижал голову мальчика к своему плечу, зажимая рот, и прошептал что-то на ухо. Финн затрепетал, попытался вырваться, затем обмяк и затих.

– Всем по местам! – прогремел Торн, отпуская мальчика,

который теперь смотрел на него пустым, но уже своим взглядом. – Шоу окончено. Он не одержим. Он... болен. Болезнью этого места. Айра, Лоренцо – в каюту. Финна – туда же. Остальные – укрепляйте паруса и готовьте корабль к немедленному отплытию. Мы уходим с рассветом.

– Но куда, капитан? – спросил Гаррет, все еще бледный. – Мы только пришли.

– Потому и уходим. Если эта зараза действует через память, то здесь, на этом острове-могильнике, ее концентрация смертельна. Мы нашли ответ – как действует угроза. Теперь нам нужна защита. Или оружие.

В каюте Финн пил воду дрожащими руками.

– Я... я не контролировал, – пробормотал он. – Это как... как находиться в комнате, где все кричат одновременно. И ты слышишь каждый крик. И он становится твоим. Мне было так больно за них... за всех. И в то же время... пусто внутри себя.

– Эмпатическое эхо, – заключил Лоренцо. – Идол не просто стер его память. Он сделал его восприимчивым. Антенной для чужой боли. Это хуже, чем я думал.

– Можно это использовать? – спросил Торн без предисловий.

– Капитан! – возмутилась Айра.

– Я не спрашиваю, этично ли это. Я спрашиваю – можно ли обратить его слабость в силу? Если он слышит эхо памяти... услышит ли он *их*? Ту шхуну? Существо, которое ею управляет?

Все замолчали. Финн смотрел на капитана широко раскрытыми глазами.

– Ты хочешь, чтобы я... прислушался к нему?

– Нет. Я хочу, чтобы мы поняли, как он находит свои жертвы. Возможно, он тоже их «слышит». Как маяк. Твоя новая чувствительность... может быть, она работает в обе стороны.

Внезапно Финн вздрогнул и зажмурился.

– Тише... – прошептал он.

– Что такое?

– Крики... они не стихают. Они... сгущаются. Где-то там. – Он указал пальцем не в сторону моря, а вглубь острова, к дымящейся горе. – Там не просто камни и пепел. Там... склад. Место, где они это держат. Все, что забрали. Оно не

исчезает. Оно копится. И оно... зовет.

Лоренцо ахнул.

– Хранилище! Ну конечно! Алхимики говорят – ничто не возникает из ничего и не исчезает бесследно. Энергия, память, душа – она должна где-то аккумулироваться! Возможно, на этом острове не просто идол. Здесь... резервуар.

– И если мы найдем его... – начала Айра.

– Мы сможем его уничтожить, – закончил Торн. – Или использовать. Но для этого нужно идти туда. К горе.

Решение было безумным. Но альтернатива – бежать, оставаясь мишенью для невидимого врага, с эхом в своей команде, которое могло взорваться в любой момент, – казалась еще безумнее.

Когда Торн вышел на палубу, чтобы объявить о новом, смертельном походе, он увидел на востоке, на линии горизонта, тонкую, темную полосу. Не облако. Слишком правильную, слишком прямую. Мачту.

«Ловец душ» не стал ждать. Он нашел их по эху их собственных страхов. И теперь плыл навстречу.

Глава 6. Маяк из плоти и страха

То

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.